

Ксення Кано

ЧУЖОЕ ИМЯ

Ксения Кано

Чужое имя

«Автор»

2026

Кано К.

Чужое имя / К. Кано — «Автор», 2026

Меня зовут Эгалантария. Для друзей — Галя. Для тех, кто успел нагрубить, — тоже Галя, но уже с огоньком. Ростом я не вышла. Зато вышла характером. Драконий огонь в крови и твёрдое правило: сначала поджечь, потом подумать. Ну и потушить не забыть. Мой напарник — Рик. На две головы выше и настолько же спокойнее. Менталист с лицензией и ледогенератор по призванию. Чужие чувства он читает с закрытыми глазами, свои не показывает даже под пытками. Правда, я ещё не все способы перебрала. Работаем в агентстве «Серый камень». Начальник у нас гном, который десять лет делает вид, что не боится за мебель. Секретарь Мирта печёт пироги, знает всё и обо всех. Порой даже то, что мы сами о себе не знаем. Нам попадаются пропавшие кошки, сварливые наследники и мужья, которых видели не там, где надо. Иногда — настоящее дело. Тогда я поджигаю улики, Рик охлаждает меня, а дело, к обоюдному изумлению, раскрывается. Ироничный детектив о дружбе и противоположностях. И о том, как дорого стоит чужое имя.

© Кано К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вещи сами не пропадают	5
Глава 2. Смерть - это ещё не конец	12
Глава 3. Живым здесь не место	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ксения Кано

Чужое имя

Глава 1. Вещи сами не пропадают

— Я просила прислать следователя, — сказала госпожа Вельт.

Рик отступил в сторону. Не из трусости — просто у него уже был опыт.

Я осталась перед хозяйкой дома одна, во всём великолепии дорожной куртки и забрызганных сапог. Госпожа Вельт посмотрела сначала на сапоги, потом на меня. Сапоги, кажется, внушили ей больше доверия: хотя бы кожа хорошая.

— Следователь Эгалантария, — представилась я. — Можно Галя. Это Рик, мой напарник. Вы сообщили о пропаже броши.

— Да, но... Простите, я ожидала кого-нибудь постарше.

— Я тоже, когда поступала на работу. Но начальник сказал, что ждать не будет.

Рик невозмутимо протянул наши удостоверения.

Хозяйка изучила его документ, затем мой, затем снова его. Я понимала: портрет напарника гораздо приятнее. На моём меня запечатали сразу после экзамена по процессуальному праву, и я до сих пор удивлялась, почему с этим выражением лица мне вообще выдали лицензию.

— Проходите, — решила наконец госпожа Вельт. — Только прошу вас обойтись без шума. Муж терпеть не может, когда наши семейные обстоятельства становятся предметом...

— АРНОЛЬД, ПОЛОЖИ НА МЕСТО!

Рик повернул голову к гостинной.

Я шагнула вперёд, но хозяйка поймала меня за рукав.

— Это не то, что вы подумали. В доме никого нет.

— А кричит кто?

— Моя мать.

Мы помолчали.

Госпожа Вельт отпустила мой рукав.

— Охранное устройство с голосом моей матери. С ней самой всё в порядке. Она умерла четырнадцать лет назад.

Объяснение получилось исчерпывающим. Уточнять ничего не хотелось.

В гостиной обнаружились дорогая мебель, фарфоровые пастушки и серебряная шкатулка на столике у окна. Последнюю украшали виноградные листья и пухлые младенческие лица. У одного младенца был такой подозрительный прищур, что я невольно проверила, застёгнута ли сумка.

— Мать заказала её к своему юбилею, — сказала госпожа Вельт. — Индивидуальная работа, сложные охранные чары. Мастер предложил обычный звуковой сигнал, но она решила, что её голос убедительнее.

Шкатулка повернулась к Рику.

— Агнесса, кто этот мужчина?

Хозяйка вспыхнула.

— Она реагирует на чужую ауру. Не воспринимайте буквально.

Рик вежливо представился.

Я посмотрела на него.

— Что? — спросил он. — Возможно, успокоится.

Шкатулка потребовала позвать Арнольда.

— Не понравился, — с некоторым удовольствием заметила я.

— Моей матери вообще мало кто нравился, — сказала госпожа Вельт и тут же нахмурилась, будто сообщила нам лишнее. — В устройстве двадцать четыре фразы. Оно не думает, не запоминает и, к сожалению, не устаёт. Поэтому, если вы собираетесь расспрашивать его о пропаже, лучше не тратить время. Я уже пробовала.

Последнюю фразу она произнесла тише.

Мне представилось, как госпожа Вельт допрашивает покойную мать, а та требует капли, Арнольда и перестать оправдываться. Я наклонилась к замку, пряча улыбку.

— Значит, показаний не получим. Посмотрим хотя бы, нет ли следов взлома.

Я протянула руку.

Крышка приподнялась и с сухим щелчком ударила по кончику карандаша, который Рик успел подставить между ней и моими пальцами.

Половина карандаша осталась внутри.

Мы все посмотрели на шкатулку.

Она хрустнула.

— Ах да, — сказала госпожа Вельт. — При попытке несанкционированного доступа срабатывает защита.

Я медленно убрала руку за спину.

— Госпожа Вельт, давайте договоримся: всё, что в этом доме кусается, бодается или плюётся ядом, вы назовёте сейчас. Я охотно знакомлюсь с семейными традициями, но предпочитаю сохранять пальцы для записей.

— Не преувеличивайте. Она лишь прихватывает. Наш полотёр, например, привык.

Я посмотрела на Рика. Он рассматривал обломок карандаша.

— У полотёра стоит взять показания, — сказал он. — Возможно, у него есть мотив.

* * *

Выключатель нашёлся на дне.

— Мать велела спрятать его, чтобы воры не могли отключить защиту, — объяснила госпожа Вельт. — Совершенно разумная предосторожность.

— Особенно если воры действуют законным способом, через агентство, — согласилась я. — Как вы её переносите?

— Обычно этим занимается муж.

Я ещё раз посмотрела на зубчатый край крышки и почувствовала, что господин Вельт начинает нравиться мне заочно. Столько лет жить рядом с тёщей, способной пережить собственные похороны и продолжить кусаться, — для этого требовался характер.

Мы с Риком заняли позиции по обе стороны столика.

— Я приподниму, ты повернёшь рычаг, — сказал он.

— Почему не наоборот?

Он посмотрел на высоту столика, потом на длину моих рук.

Я нахмурилась.

— Это было невежливо. Очень подробно невежливо, хотя ты даже рта не открыл.

Рик взял шкатулку за боковые стенки.

Она молчала.

Он приподнял её.

Молчала.

Я опустила на колени, заглянула под основание и увидела маленький латунный рычажок.

— Ещё немного к себе. Нет, к себе — это туда, где ты. У тебя, между прочим, отдельная сторона...

— **ВОРЫ!** — взревела шкатулка.

Я стукнулась затылком о край столика.

Рик вздрогнул.

Серебряная крышка захлопнулась на его перчатке.

На мгновение мы застыли в положении, которое в учебнике по осмотру места происшествия показывать не следовало.

— Не опускай, — сказала я из-под столика. — У меня здесь голова.

— Не планировалось.

— И не тяни руку, она может...

— Уже.

Госпожа Вельт схватилась за спинку кресла.

— Только не повредите механизм! Это уникальная вещь, таких больше не делают!

— Догадываюсь, — сказал Рик.

Я нашла рычаг. Потянула.

Он не поддался.

Шкатулка затряслась в руках напарника.

— ГДЕ МОИ КАПЛИ?!

— Сейчас будут, если не отпустишь моего коллегу, — пробормотала я.

— Не угрожайте ей! — возмутилась хозяйка.

Я выглянула из-под столика.

— Вы же сказали, она не понимает.

— Но это голос моей матери!

Рик смотрел в окно. На лице у него сохранялось почти безмятежное выражение; только на серебряном шарнире медленно выступал иней.

Он проморозил пружину, ослабляя хватку. Я ухватила за рычаг поудобнее и наконец сдвинула его.

— Я всё расскажу твоему от...

Тишина.

Напарник осторожно высвободил перчатку, поставил шкатулку на стол и осмотрел дырки.

Я выбралась из-под мебели. Колени были в пыли, затылок ныл, из причёски торчала шпилька. Я вытащила её и с некоторым недоумением рассмотрела: утром их было четыре. Одну я чувствовала за ухом. Где находились остальные две, теперь предстояло выяснять отдельно.

Госпожа Вельт бросилась проверять шкатулку.

— Слава богам, цела.

— Мы тоже, — сообщила я. — Благодарим за беспокойство.

Она пропустила это мимо ушей.

В дверях показалась молоденькая горничная.

— Госпожа, я услышала крик. Опять господин застрял?

Рик медленно повернулся к ней.

Я прикрыла рот ладонью.

— Нелли, принеси чай, — сказала хозяйка. — И не вмешивайся.

Но девушка уже увидела перчатку в руке Рика.

— Так вы бы сказали! Её же сначала надо в полотенце завернуть. Она в темноте не кусается.

Я посмотрела на госпожу Вельт.

Госпожа Вельт посмотрела на шкатулку.

— Полагаю, следователи сами разбираются в таких вещах.

Я глубоко вдохнула. Медленно выдохнула.

Рик сел, достал запасной карандаш и открыл книжку.

— Теперь о броши. Когда её видели в последний раз?

— Вчера вечером, после ужина. Арнольд ещё спускался сюда за...

Хозяйка осеклась.

Мы оба подняли головы.

— За чем? — спросила я.

— За сигарами. Они лежат в бюро.

— Шкатулка в это время срабатывала?

— Она всегда срабатывает, когда он заходит. Мать... устройство его почему-то особенно не любит.

— Что именно она говорила вчера?

Госпожа Вельт помолчала.

Потом с явной неохотой произнесла:

— «Арнольд, положи на место».

Рик записал.

Я села поудобнее.

— Вот теперь, госпожа Вельт, давайте действительно начнём сначала.

Госпожа Вельт села напротив нас и расправила юбку. На этот раз она устраивалась надолго: поправила манжеты, передвинула чашку, которую как раз принесла Нелли, и попросила закрыть дверь.

Девушка поставила поднос так далеко от шкатулки, как позволял стол.

— Нелли, останьтесь, пожалуйста, — сказала я. — Вы здесь убираете?

Горничная застыла с сахарницей в руках.

— Да, госпожа.

— Вот с неё и следовало начать, — заметила хозяйка. — Я не хотела никого обвинять прежде времени, но девушка служит у нас всего три месяца, рекомендации у неё весьма неопределённые, а на прошлой неделе она попросила жалованье вперёд. Согласитесь, обстоятельства заставляют задуматься.

Нелли прижала сахарницу к животу.

Её щёки горели. Пальцы, напротив, стали почти ледяными. Страх загонял тепло куда угодно, только не туда, где оно было нужно. Я осторожно забрала у неё сахарницу: ещё немного, и к пропавшей броши прибавились бы разбитый фарфор и долг, который пришлось бы отрабатывать до весны.

— Я тоже прошу жалованье вперёд, — сказала я. — Обычно это заставляет задуматься нашего начальника. Но он пока обходился без обвинений в краже.

— У вас, несомненно, другие обстоятельства.

— Конечно. Мои прекрасно документированы. Сапожник ведёт целую книгу.

Рик придвинул Нелли свободный стул.

Девушка посмотрела на хозяйку. Та неохотно кивнула.

— Расскажите про вчерашнюю уборку, — попросила я. — Что делали, что трогали, не заметили ли чего-нибудь необычного. Только не старайтесь угадать, какой ответ нам нужен. Нам нужен тот, который был.

Нелли села на краешек. Она оказалась совсем молоденькой, с красными от горячей воды руками и белым следом муки на рукаве.

Вчера она вытерла пыль, сменила воду у цветов, выбила коврик у камина. К шкатулке не прикасалась.

— Почему? — спросил Рик.

— Госпожа велела оставить. Она её сама чистила.

Я повернулась к госпоже Вельт.

— Вчера?

— Да. Я иногда сама ухаживаю за ценными вещами. В этом нет ничего странного.

— Пока нет, — согласилась я. — Продолжайте, Нелли.

Сегодня девушку разбудили раньше обычного и отправили искать брошь. Она проверила подушки, ковёр, щели между креслом и стеной. Нашла старую костяную пуговицу, игральную фишку и синюю ленту.

Пуговицу и фишку оставила на каминной полке.

Ленту взяла.

Призналась она в этом таким голосом, будто мы обнаружили у неё в переднике труп.

Госпожа Вельт подалась вперёд.

Я успела раньше:

— Покажите, пожалуйста.

Лента была шёлковая, узкая, с ровно срезанными концами. На ней сохранились перегибы от узла и две полоски серого бумажного волокна.

— От свёртка? — спросил Рик.

— Да. Я подумала, её выбросили. Она в корзине лежала, вместе с бумагой.

— От какого свёртка, Нелли? — спросила я.

— Который утром принесли.

Госпожа Вельт взяла чашку.

Очень неторопливо.

Когда людям внезапно становится необходимо попить чаю, я всегда смотрю на них внимательнее.

— Мне доставили кое-что из мастерской, — сказала она. — Но это не относится к делу. Девушка могла подобрать любую ленту, у нас постоянно что-нибудь приносят.

Рик поставил книжку на колени и наклонился к корзине.

— Позвольте.

Разрешения он дождался. Правда, смотреть на хозяйку продолжал так спокойно и внимательно, что отказать было бы почти столь же неудобно, как признаться.

В корзине нашлась плотная серая бумага. Рик расправил её на свободном краю стола. Тиснёные буквы сложились в надпись: «Ювелирная мастерская Эдвина Фарса. Починка. Оценка».

Рядом стоял номер заказа, написанный чернилами.

Я посмотрела на госпожу Вельт.

Она поставила чашку обратно.

Чай так и не попробовала.

— Нелли, вы можете идти, — сказала я. — Если понадобится, позовём.

Девушка поднялась так быстро, словно всё это время сидела на горячей сковородке.

— Ленту оставьте у меня. Потом верну.

Когда дверь закрылась, Рик подвинул обёртку ближе к хозяйке.

— Что было в свёртке?

— Брошь.

Я откинулась на спинку кресла.

Пружина подо мной жалобно скрипнула. Видимо, тоже пыталась разобраться.

— Та самая брошь, которую мы ищем?

— Не совсем.

Госпожа Вельт сунула руку в карман платья и достала украшение.

Золотой венок из листьев. Посередине — густо-зелёный камень. Красивый, надо признать. Если бы я увидела такой на рынке, то немедленно решила бы, что мне необходима брошь, а жалованье как-нибудь догонит мои потребности.

— Это подделка, — сказала хозяйка. — Настоящую украли и заменили вот этим. Я не стала сразу вдаваться в подробности, потому что суть от этого не меняется.

— Меняется только всё остальное, — заметил Рик.

Я подвинулась к краю кресла.

— Госпожа Вельт, сейчас будет несколько скучных вопросов. Прошу потерпеть: они нужны, чтобы мы не провели остаток дня под вашей мебелью. Когда вы отправили брошь ювелиру?

— Позавчера. Застёжка цеплялась за кружево.

— И сегодня утром получили обратно?

— Да. С запиской.

Записка тоже лежала в кармане. У госпожи Вельт там, оказывается, хранилась значительная часть расследования.

Мастер Фарс сообщал, что исправил застёжку, однако вынужден обратить внимание заказчицы: камень представляет собой окрашенное стекло, оправка — позолоченный сплав, а изделие в целом не соответствует приложенному оценочному свидетельству.

В конце он выражал надежду на дальнейшее сотрудничество.

Я перечитала последнюю строчку. Такого оптимиста стоило познакомить с Торгримом. Они могли бы взаимно обогатить друг друга: один научился бы надеяться, другой — осторожнее выбирать выражения.

— Значит, вчера вечером вы брошь не видели, — сказала я.

Хозяйка выпрямилась.

— Я видела её на прошлой неделе. Или на позапрошлой. Это несущественно.

— Для нас существенно. Как и то, была ли она тогда настоящей. Нелли могла несколько месяцев убирать возле копии и ничего не знать.

— Но ведь кто-то её подменил!

— Да. И этот кто-то заказал довольно точную копию, вынес оригинал, вернулся, открыл шкатулку и положил замену. Желательно не лишившись руки. Пока у нас в списке вы и ваш муж. Нелли придётся заслужить место дополнительными обстоятельствами.

Госпожа Вельт перевела взгляд на повреждённую перчатку Рика.

— Я просто не хотела, чтобы об этом стало известно. Представляете, что скажут люди, если выяснится, что я ходила в поддельных драгоценностях?

Я представляла, что сказала бы Мирта. Но наше агентство дорожило клиентами.

В этот момент в прихожей хлопнула дверь.

— Агнесса! Почему никто не встречает? И что у нас за тишина?

Хозяйка зажмурилась.

Я поняла её слишком поздно.

В гостиную вошёл круглолицый мужчина в дорогом дорожном пальто. На усах поблёскивали капли дождя. Он уже стянул одну перчатку и теперь снимал вторую.

Увидел шкатулку.

Брошь.

Наши лица.

Перчатка осталась висеть на двух пальцах.

Жар плеснул ему под воротник, схлынул с лица и снова поднялся к щекам. Пугаться господину Вельту пришлось всем организмом.

— А что это у нас происходит?

— Пропала брошь, Арнольд.

Он посмотрел на стол.

— Так вот же она.

Произнесено было с таким облегчением, что я едва не поздравила его с успешным окончанием следствия.

— Это копия, — сказала жена.

Господин Вельт помолчал. Потом наконец снял перчатку, аккуратно сложил её со второй и положил обе в карман. Человек отчаянно нуждался в занятии, которое он ещё умел выполнять правильно.

— Откуда ты взяла?

— От мастера Фарса. Я послала её починить.

— Зачем? Застёжка ведь...

Он остановился.

Рик открыл книжку.

Иногда мой напарник умел задавать вопросы одним шелестом бумаги.

— Застёжка ведь что? — помогла я.

— Вы вообще кто такая?

Я представилась.

Господин Вельт посмотрел на жену с укором:

— Ты наняла сыщиков? Из-за какой-то броши?

— Минуту назад она была на месте, — напомнила Агнесса. — Теперь она какая-то. Арнольд, будь добр, выбери одно положение и постарайся в нём удержаться.

Мне всё больше хотелось, чтобы им дали поговорить подольше.

Но у нас была работа.

— Ваша супруга обратилась в агентство, поскольку обнаружила подмену драгоценности, — сказала я. — Нам нужно установить, когда и при каких обстоятельствах её совершили. У вас имеется ключ от шкатулки?

— Разумеется. Я муж.

— Понимаю. Полотёр, насколько нам известно, не муж, поэтому его кусают. А вас?

Господин Вельт машинально потёр левое запястье.

Рик что-то записал.

— Послушайте, — начал Арнольд, — не вижу никакой необходимости устраивать из этого представление. В дом входят посыльные, прислуга, бог знает кто ещё. Нужно проверить их, а не задавать мне странные вопросы в моей собственной гостиной.

— Их проверим, — сказал Рик. — Но сначала поговорим с мастером, изготовившим копию.

Он перевернул брошь.

На обороте, возле застёжки, виднелось крошечное клеймо.

Господин Вельт подался вперёд.

— Это необязательно. То есть я хочу сказать, зачем беспокоить постороннего человека? Он выполнил заказ, он же не виноват...

Наступила тишина.

Я не стала её заполнять.

Госпожа Вельт тоже.

Только Рик положил карандаш поперёк книжки и приготовился ждать.

Арнольд оглядел нас по очереди. Взгляд ненадолго задержался на серебряной шкатулке — вероятно, он надеялся, что хоть она вмешается.

Но единственная, кто сейчас мог его перебить, была исключена.

— Я собирался вернуть, — сказал он наконец.

Глава 2. Смерть - это ещё не конец

Слушая господина Вельта, можно было прийти к выводу, что брошь сама покинула дом из лучших побуждений, а он всего лишь сопровождал её на случай, если в дороге понадобится помощь.

У него была дочь от первого брака. Лида. Она держала маленькую пекарню в Нижних рядах, и зимой у неё треснула печь.

— Она вложила туда все сбережения, — объяснял Арнольд, устроившись в кресле. Пальто он так и не снял, словно всё ещё надеялся, что дело закончится быстрым разговором в дверях. — А хозяин помещения заявил, что ремонт оплачивать не станет. По договору печь числится исправной. Пока они спорили бы, Лида потеряла бы покупателей, аренду всё равно пришлось бы платить... Ты ведь знаешь, какая она упрямая.

— Знаю, — сказала Агнесса. — Я советовала ей показать помещение мастеру ещё до подписания договора.

— Вот поэтому я к тебе и не обратился! Ты бы начала с того, что была права.

— Я и сейчас начну с этого. Только теперь у нас вдобавок нет броши.

Я опустила глаза.

Рик придвинул ко мне записную книжку. Не знаю, чтобы дать занятие или заслонить моё лицо от хозяйки.

— У меня были временные затруднения, — продолжал Арнольд. — Деньги в обороте, компаньон задерживал выплату. А брошь всё равно лежала без дела. Я подумал, на несколько недель...

— Сначала вы заказали копию? — спросил Рик.

— Да, конечно. Агнесса могла захотеть её надеть. Я не хотел причинять ей неудобства. Жена посмотрела на него с искренним интересом.

— Как предусмотрительно. Когда решишь заложить меня, тоже заранее подбери замену. Желательно ту, которая не задаёт вопросов.

— Не надо утрировать!

— Я ещё даже не начала.

Арнольд вынул платок и промокнул лоб.

Тепла в комнате было столько, что я могла бы с закрытыми глазами следить за разговором. От него шли короткие горячие вспышки, от неё — ровный жар. Супруги определённо обладали разными подходами к одному и тому же пожару.

— Копию делали с оригинала? — уточнила я.

— Разумеется. Иначе как добиться сходства?

Он ответил с достоинством знатока.

Рик поднял карандаш.

Арнольд снова увял.

— Потом вы вернули обе броши домой, подменили настоящую и заложили её?

— Да. Но повторяю: продать я её не собирался. У меня есть квитанция, всё совершенно законно.

Госпожа Вельт издала короткий звук.

Я поспешила вмешаться:

— Принесите квитанцию, пожалуйста. Посмотрим, сколько у нас времени.

Он поднялся с видимым облегчением. Первый за весь разговор вопрос, для ответа на который требовалось уйти.

Мы дождались, пока стихнут шаги.

Госпожа Вельт взяла копию броши. Повернула к окну.

— На приёме у сестры я объясняла, как отличить настоящий изумруд от подделки. Довольно долго объясняла. Помню, ещё удивилась, что она так внимательно слушает.

— Возможно, она тоже не знала, — сказала я.

— Моя сестра узнаёт такие вещи раньше ювелиров.

Впервые за всё утро мне стало её жалко без всяких оговорок.

Агнесса провела пальцем по стеклянному камню.

— Можно ведь было попросить. Я не зверь. Неужели я отказала бы девочке из-за собственной... — Она взглянула на шкатулку. — Неважно.

Я подумала, что Арнольд, вероятно, действительно боялся просить. А ещё — что боязнь неприятного разговора не мешает устроить вместо него гораздо более неприятный.

Напарник закрыл чернильницу, прежде чем хозяйка задела её локтем.

— С дочерью стоит поговорить отдельно, — сказал он. — Пока неизвестно, что ей рассказал отец.

Агнесса кивнула.

Господин Вельт вернулся с конвертом.

В нём обнаружилась не только залоговая квитанция, но и счёт за изготовление копии. Арнольд сохранил всё. Когда-нибудь эта аккуратность спасёт ему много времени на допросах.

Рик сверил даты.

— Подмена произошла пять недель назад. Срок выкупа истекает завтра.

Я посмотрела на Арнольда.

Тот принялся складывать платок. Углы не совпадали.

Госпожа Вельт взяла счёт ювелира.

Прочитала.

Поднесла ближе.

— Сколько?

— Это точная работа, Агнесса. Он подбирал оттенок камня, снимал слепок...

— За эти деньги можно было починить половину печи.

Арнольд открыл рот, но на этот раз ничего подходящего не нашёл.

— Значит, так, — сказала она, складывая бумаги. — Ты сейчас идёшь за моей чековой книжкой. Потом мы едем к ростовщику. Вместе. Я хочу посмотреть, как ты будешь объяснять ему, что это временное недоразумение, а брошь, в сущности, сама гуляла.

— Агнесса, при посторонних...

— Арнольд, посторонние хотя бы задавали мне вопросы, прежде чем брать мои вещи.

Я встала. Самое время было заняться оплатой, пока нас ещё выгодно сравнивали с мужем.

* * *

На кухне Нелли стояла рядом с пожилой орчихой, раскатывавшей тесто.

При нашем появлении орчиха положила скалку на стол, но ладони не убрала. Я оценила осмотрительность: до выяснения обстоятельств разоружаться не следовало.

Госпожа Вельт остановилась на пороге.

— Нелли, мы разобрались с брошью. Это оказалось... семейным вопросом.

Я посмотрела на неё.

Она заметила.

— Вы ничего не брали. Я ошиблась. Об этом я скажу и остальным.

Девушка открыла рот, закрыла, потом спросила:

— Мне можно уйти? Сестра с ребёнком на станции, а я должна была встретить...

— Можно. Возьмите пирожков в дорогу.

Орчиха отняла ладонь от скалки.

Дипломатические отношения восстановились.

Я вернула синюю ленту. Нелли так быстро спрятала её в карман, что я сделала вид, будто ничего не заметила.

В прихожей Рик убрал оплаченный счёт в папку, а госпожа Вельт поймала меня за локоть.

— Вы не могли бы оставить адрес специалиста по охранным устройствам? Того, кто разбирается в старых плетениях.

— Хотите заменить чары?

Она подумала.

— Нет. Но, возможно, одну фразу стоит добавить.

Из гостиной донёсся голос Арнольда:

— Агнесса, а где чековая книжка?

— Там, где всегда! — ответила она и снова повернулась ко мне. — «Сначала спроси жену». Как полагаете, возможно?

Я пообещала выяснить.

Перед уходом мы включили шкатулку.

Извиняться перед ней я не стала.

* * *

На улице Рик остановился под козырьком и осмотрел перчатку при дневном свете.

Две аккуратные дырки.

Я выдержала до угла.

Потом прислонилась к стене и засмеялась.

— Только не говори, что ты бы не спросил. «Опять господин застрял»! С какой привычкой она это сказала, ты заметил? Представляешь, они завтракают, Арнольд не идёт, и никто не волнуется. Просто несут полотенце...

Рик подождал, пока я закончу.

Не дождался.

Убрал перчатку в карман.

— В отчёте напишешь «активная механическая защита».

— Напишу «мама». Короче и значительно страшнее.

Мимо прошёл эльф под узким зелёным зонтом. Неодобрительно посмотрел на меня. Я попыталась выпрямиться, вспомнила карандаш и снова согнулась.

Рик встал со стороны мостовой, чтобы меня не задела прохожие.

Наконец я вытерла глаза.

— Ладно. Всё. Только объясни, зачем ты с ней поздоровался? Ты же слышал, что это записанные фразы.

— Не было известно, какие условия снимают тревогу.

— И ты решил проверить вежливость?

Он пожал плечом:

— Иногда помогает.

Мы пошли дальше.

Аврелион был мокрым, шумным и занятым. У водостока ругались два дворника: вода стекала с территории одного на территорию другого, что, по их мнению, требовало немедленного вмешательства городского совета. На другой стороне улицы тролль осторожно переносил через лужу маленькую эльфийку. Она держала раскрытый зонт над собой, а он мок под дождём и слушал указания, куда ставить ноги.

Из булочной пахло маслом и корицей.

Я замедлила шаг.

— Пирог есть в агентстве, — сказал Рик.

— Это не отменяет булочную. Ты сейчас рассуждаешь так, будто одно преступление делает остальные невозможными.

Напарник посмотрел на вывеску.

— По одной.

— Ты не начальник.

— Поэтому по одной, а не мимо.

Внутри продавец обратился к Рiku. Я встала на цыпочки, возникла над прилавком и объяснила, что деньги у меня.

Это сразу придало мне вес в его глазах.

Булочки оказались горячими. Я держала свою через бумагу и чувствовала, как остывает корочка, а внутри ещё сохраняется мягкое ровное тепло.

Очень приятная способность, если применять её к выпечке. Никаких сомнительных выводов: горячо значит горячо.

— Выкуп проверим сегодня, — сказала я.

Рик кивнул.

— И насчёт Нелли неплохо бы убедиться. Что ей не вычли за ленту или за то, что мы оказались дорогими.

— Можно передать через повариху.

Я вспомнила скалку.

— Да. Надёжный канал связи.

Напарник отломил кусок булочки.

Некоторое время мы шли молча.

Потом я сказала:

— Он ведь правда хотел помочь дочери.

— Похоже на то.

— А сделал так, что теперь благодарить не за что.

Рик посмотрел на меня.

— Дочь получила печь. Благодарить есть за что. Только не его одного.

Я дожевала.

Иногда у него получалось поправить мысль так, что она переставала царапаться.

* * *

«Серый камень» занимал первый этаж дома на улице Медников, между переплётной мастерской и лавкой рыболовных принадлежностей. В витрине лавки красовалась щука с открытой пастью. После сегодняшнего я посмотрела на неё с недоверием.

Щука благоразумно не шелохнулась.

Над нашей дверью покачивалась серая вывеска с золотыми буквами. Торgrim когда-то объяснил, что название внушает надёжность. Мирта сказала, что оно ещё и подходит к стенам, так что перекрашивать не придётся.

Колокольчик звякнул.

— Сапоги, — сказала Мирта, не поднимая головы.

Мы вытерли ноги.

— Галя, левый тоже. Ты им обычно только изображаешь.

Я добросовестно поскребла подошвой.

Мирта Дубовая Ветвь была ниже меня и не испытывала по этому поводу никаких затруднений. Посетители замечали её сразу, высокие шкафы подчинялись при помощи лестницы, а люди, пытавшиеся заглянуть поверх её головы в кабинет Торгрима, быстро узнавали, что смотреть можно куда угодно, но разговаривать всё равно придётся с ней.

Она подняла глаза от книги расходов.

— Ну?

— Брошь заложил муж, подменив копией, — доложила я. — Жена обвинила горничную. Разобрались, оплату получили, выкуп проверим к вечеру. И ещё нам нужен мастер по старым охранным плетениям.

— Что сломали?

— Ничего.

Мирта посмотрела на Рика.

Он положил на стол перчатку.

Она сняла очки.

— Это кто?

— Тёща клиента, — ответила я.

Мирта перевела взгляд на напарника.

— Механическая защита шкатулки, — уточнил он.

— А я уже хотела сказать, чтобы больше не ходили к ним поодиночке.

Она снова надела очки, достала из ящика маленький конверт и записала имя мастера.

Я стянула куртку. Рукав зацепился за пуговицу, волосы — за воротник, и некоторое время у меня были важные личные обстоятельства.

Когда я выбралась, Мирта уже шупала край повреждённой перчатки.

— Починить можно. Оставь. И поешь, пока не остыло.

— Мы...

— Булочка не считается.

Рик смахнул с пальто крошку корицы.

Мирта сделала вид, что не заметила. Это было особенно унижительно.

Дверь кабинета открылась.

Торgrim Каменная Борода вышел с трубкой в зубах и листом бумаги в руке. На листе что-то не сходилось. Я определила это по выражению его лица, а не по цифрам: с цифрами у меня обычно не сходилось всё.

— Ко мне. Оба.

— Чай взять можно?

— Если сумеешь одновременно нести и докладывать.

Я взяла и чай, и пирог. Хотелось сразу показать широту возможностей.

В кабинете Торгрима было два стула для посетителей. Один высокий, другой пониже. Низкий появился на второй день моей работы. Начальник ничего не объяснил. Я ничего не спросила.

Рик сел рядом и положил папку на стол.

Торgrim выслушал нас без единого замечания. На истории со шкатулкой вынул трубку изо рта. На истории с ценой копии посмотрел в потолок.

— Бывает, — сказал он наконец. — Человек столько сил тратит, чтобы не говорить правду, что на правду уже денег не остаётся.

Он просмотрел записи.

— Первоначальные сведения ложные?

— Время пропажи и обстоятельства обнаружения, — ответил Рик. — Уточнения внесены.

— В счёте отражено?

— Да.

Торgrim кивнул и повернулся ко мне:

— Ничего не подпалила?

— Мы раскрыли дело, защитили невиновную девушку, спасли фамильную драгоценность от продажи, и именно это ты хочешь знать?

— Это не ответ.

Я откусила пирог.

— Не подпалила.

Начальник удовлетворённо хмыкнул.

— Тогда хороший день. Подтверждение выкупа получите до вечера. В отчёте отделите признание мужа от того, что установили сами. И не пишите «очевидно». Если очевидно, объясните, почему.

Мы поднялись.

— Галя, задержись.

Рик забрал мою чашку. Пирог я предусмотрительно удержала.

Торgrim дождался, пока закроется дверь.

— Клиентка жаловаться будет?

— На что?

Он посмотрел на меня.

Я вздохнула.

— Возможно, ей не понравилось, как я разговаривала о горничной. Но она заперла девчонку в доме, пока та ждала сестру на станции. А потом ещё пыталась назвать всё недоразумением. Я не могла просто...

— Могла. Но не стала. Правильно.

Я остановилась на середине вдоха.

Начальник взял следующий лист.

— Только оплату за собственное раздражение в счёт не включай. У нас никто не потянет.

* * *

В нашей комнате пахло бумагой, чаем и переплётным клеем из соседней мастерской.

У Рика на столе лежали три аккуратные стопки. У меня — одна большая, зато с характером. Верхний лист уже пытался сбежать на пол.

Я поймала его, села и написала:

«По заявлению госпожи Агнессы Вельт...»

Потом зачеркнула.

«В ходе проверки обстоятельств исчезновения...»

Тоже зачеркнула.

— Можно начать с того, что нас укусили? — спросила я. — Это хотя бы бесспорно.

Рик придвинул чистый лист.

— Сначала номер дела.

— Ты умеешь погубить любое начинание.

Он взялся за свои записи.

Я написала номер.

За окном прогрохотала телега. В переплётной мастерской что-то тяжёлое упало, и мастер привычно обвинил ученика. Ученик привычно объяснил, что вообще находится в другой комнате.

Обычный день.

Даже перчатку Мирта уже вернула. На месте дырок появились два крошечных стежка.

Я наклонилась над отчётом.

«Сведения о времени исчезновения, первоначально сообщённые заказчицей, не подтвердились».

Вот. Прилично и почти не обидно.

Колокольчик в приёмной звякнул.

— Добрый день, — сказала Мирта.

Ей ответили так тихо, что я не разобрала слов.

Затем послышался скрип стула.

— Нет, стоять не нужно. Садитесь. Воды хотите?

Я подняла голову.

Мирта редко предлагала воду до того, как узнавала цель визита. Обычно сначала выясняла, кто пришёл, кого ищет и готов ли за это платить.

Рик отложил перо.

— Галя. Рик. Подойдите, пожалуйста.

В приёмной сидел гном в мокром дорожном пальто. Не старый, но основательно помятый дорогой. Рыжевато-серая борода была неровно подрезана, на щеке темнел заживающий порез. Вместо нижней пуговицы в петлю продели медную проволоку и аккуратно закрутили концы.

Шляпу он держал обеими руками.

Ткань на сгибах потемнела от воды и сжатых пальцев.

Мирта поставила перед ним чашку.

— Наши следователи.

Посетитель посмотрел на Рика, потом на меня.

Я приготовилась представляться второй раз.

— Вы оба будете? — спросил он.

— Оба, — ответила я.

Гном кивнул.

И всё.

Ни вопроса про возраст или опыт, ни удивления по поводу того, что следователь помещается на низком стуле. Я заранее отнеслась к нему теплее.

Он, впрочем, и сам был горячим. Лихорадки я не чувствовала — только усталость, голод и сдерживаемую злость, которая поднималась к лицу каждый раз, когда он собирался заговорить.

— Брум Беккер, — представился посетитель. — Я не очень понимаю, к кому обращаться. В страже сказали, что это наследственное дело. В наследственной конторе велели принести подтверждение из стражи. Я вернулся, но там уже сменился дежурный.

— И всё началось заново, — предположила я.

Он посмотрел на меня с благодарностью человека, которому наконец не пришлось объяснять очевидное.

— Утром было заново. Сейчас сказали приходить завтра.

Рик сел напротив.

— Расскажите с начала. Что произошло?

Беккер полез за пазуху и достал несколько сложенных листов. Один размок по краям. Другой, плотный, с чёрной рамкой, он расправил особенно осторожно.

Я успела прочесть:

«С прискорбием извещаем...»

Ниже стояло его имя.

Брум Беккер.

Я посмотрела на посетителя.

Он смотрел на извещение.

— Это о вас?

— Судя по всему. Возраст мой, адрес мой. Про доброту, конечно, приукрасили, но на похоронах так принято.

Я не сразу нашлась с ответом.

Рик взял второй лист.

— Можно?

Беккер кивнул.

Дверь кабинета Торгрима открылась. Начальник вышел, увидел наши лица и остался у порога.

— Три дня назад меня похоронили, — сказал гном. — Я в это время ехал домой и ничего об этом не знал. Вчера жена отказалась меня пускать. Сегодня в банке сообщили, что распоряжаться счётом я больше не могу, поскольку умер.

Мирта молча подвинула к нему тарелку с пирогом.

— А в конторе, — продолжил Беккер, — молодой человек за стойкой сказал, что понимает моё возмущение, но лично от себя ничего исправить не вправе. Я спросил, что же мне делать. Он посоветовал обратиться к родственникам покойного.

Я медленно села на край Миртиного стола.

Живой. Перед нами сидел совершенно живой гном.

Рик читал документ. С каждой строчкой выражение его лица становилось всё спокойнее.

Я знала этот признак.

Беккер поставил шляпу на колени и вытер ладони о пальто.

— Мне нужно, чтобы вы доказали, что я жив. Желательно до четверга.

Он помолчал.

Глава 3. Живым здесь не место

Первой заговорила Мирта.

— Ешьте.

Брум Беккер посмотрел на пирог так, словно подозревал в нём ещё одну административную процедуру.

— У меня сейчас не очень...

— Вот именно. Пока будете рассказывать, остынет. Потом придётся греть, а у нас Галя уже вернулась, поэтому лучше не доводить.

Я открыла рот, но Мирта поставила передо мной стул.

— Со стола слезь. На нём люди документы подписывают.

Пришлось слезть.

Торgrim подошёл к посетителю, представился и взял извещение с чёрной рамкой. Прочёл, вынул трубку изо рта и прочёл ещё раз.

— Кто составлял?

— Похоронная контора. «Последний уют». Жена отдала. То есть не отдала, а сунула через дверь, чтобы я перестал стучать.

Беккер наконец отломил кусок пирога.

Мирта незаметно подвинула к нему салфетку.

— Начнём с возвращения, — сказала я. — Когда вы приехали в город?

— Вчера, после полудня. До дома добрался к трём, зашёл в переулок, а там у двери ещё чёрные ленты. Я сначала подумал — Хельма. С женой что-то случилось.

Он замолчал.

Тёплый прилив у него под воротником сменился холодом. Я видела такое после испуга: человек уже сидит в безопасности, но стоит вспомнить одну минуту, и тело снова оказывается там.

Мирта отвернулась к шкафу. Нашла зачем-то третью чашку, переставила её, убрала обратно.

Беккер проглотил кусок.

— А потом на двери увидел своё имя. Представляете, я обрадовался.

Он посмотрел на нас, словно ждал осуждения.

— Представляем, — сказал Рик.

Брум кивнул и продолжил.

Хельма открыла не сразу. Сначала спросила через дверь, кто пришёл. Услышав ответ, потребовала прекратить. Потом всё-таки отодвинула засов.

— И как посмотрела на меня... — Беккер провёл ладонью по бороде. — Я начал объяснять, что задержался. Тут она села прямо на пол. Я хотел войти, поднять, а она закричала, чтобы не подходил. Потом соседка прибежала. Потом обе плакали. Потом Хельма велела мне назвать, что я подарил ей на сорокалетие.

Я осторожно спросила:

— Вы вспомнили?

Брум нахмурился.

— Разумеется. Медную форму для кекса. С двумя ручками, чтобы удобнее вынимать.

Мирта остановилась у шкафа.

Рик продолжал писать.

— Не самый удачный подарок, — признал Брум. — Но она сама говорила, что старая неудобная. Я ведь не умею эти намёки разбирать: если человеку нужна форма, я покупаю форму.

— Ответ её убедил? — спросила я, прежде чем мы окончательно ушли в семейную историю кухонной утвари.

— Она сказала, что я и в прошлый раз так оправдывался. А потом снова заплакала.

Брум оставил пирог. Крошки прилипли к мокрым пальцам.

— Я не понимаю, что она думает. То спрашивает, как я мог с ней такое сделать, то говорит, что я не её муж. Велела привести кого-нибудь из стражи. А стражник сказал, что по семейным ссорам они не ходят, если нет угрозы здоровью.

Торгрим негромко хмыкнул.

— Где ночевали?

— На постоялом дворе у Южных ворот. Там недорого, если без комнаты.

Я взглянула на его пальто.

Внизу оно было измято так, как ткань мнётся после ночи на скамье.

— Хорошо, — сказала я. — Теперь вернёмся немного назад. Откуда вы приехали?

Брум потянулся за чашкой.

До этого он брал её уверенно, а сейчас палец скользнул по ручке.

— С работ. Я по каменной кладке. Печи, фундаменты, своды. В основном своды, на них лучше платят, если заказчик не пытается сэкономить на собственной голове.

— Где именно работали?

— На севере. За Рудным трактом.

— Восемь месяцев?

Он посмотрел на меня.

— Откуда вы...

Я показала на извещение.

«После длительного отсутствия».

Ниже, в перечне обстоятельств, стояла дата последнего письма семье.

— Здесь указано, что вы уехали в конце лета.

— Да. Восемь месяцев. Но я перемещался. С одной работы на другую. Там сейчас строят, только успевай...

Он говорил охотнее, но тепло поднялось к ушам.

Волнение само по себе ничего не значило. Человек только что рассказал, как жена испугалась его сильнее, чем известия о смерти. Ему полагалось волноваться.

Но на словах о работе он впервые отвёл глаза.

Я запомнила.

— Названия мест и имена нанимателей понадобятся, — сказал Рик. — Чтобы подтвердить, где вы находились.

— Обязательно прямо сейчас?

— Не обязательно. Но вспомнить стоит.

Брум кивнул с заметным облегчением.

Торгрим положил на стол извещение.

— Родственников, кроме жены, в городе кто-нибудь знает? Кто может подтвердить личность?

— Да пол-улицы! Я тридцать лет в своём доме живу. Торговец углём меня узнал. Сказал, что очень рад, и сразу спросил, не собираюсь ли я всё-таки оплатить прошлую доставку.

— Собираетесь? — поинтересовалась Мирта.

Брум посмотрел на неё с упрёком.

— Собираюсь. Я не из тех, кто прячется от долгов.

На этот раз жар поднялся у него не только к ушам.

Рик перевернул один из листов.

— В банке ваш кровный оттиск сохранился?

— Должен был. Счёт старый, я его ещё до женитьбы открыл. Они тогда столько крови взяли, будто не счёт оформляли, а собирались разводить меня черенками.

Я улыбнулась.

— Вот с этого и начнём. Живые свидетели полезны, но кровный отпечаток избавит нас от части споров.

Брум выпрямился.

— То есть вы можете?

— Можем сопровождать вас на проверку и получить заключение, — сказал Рик. — Дальнейшее зависит от документов.

Это было совершенно правильное уточнение.

Брум сразу ссутулился обратно.

Я пнула Рика под столом. Несильно. В порядке обмена профессиональными мнениями.

Он даже не посмотрел на меня.

— Мы займёмся, — сказала я. — Сейчас разберёмся, что уже успели сделать без вашего участия.

Мирта принесла папку.

На корешке оставалось пустое место для имени.

Она взяла перо, задумалась и спросила:

— Дело на Беккера заводить или о Беккере?

— На Беккера уже завели, — ответил Торgrim. — Заводи для.

* * *

Рик разложил бумаги в ряд.

Извещение о смерти, выписка из регистра, уведомление о наследственном управлении, назначение торгов.

Последнее я пододвинула к себе.

Дом на улице Старых Печей. Два этажа, хозяйственная пристройка, доля в общем дворе. Продажа для удовлетворения требований кредитора.

Торги в четверг, в полдень.

Сегодня был вторник.

— Быстро они, — сказала я.

Рик покачал головой и ткнул карандашом в нижнюю строчку.

Решение о взыскании вынесено девятнадцать дней назад.

Я прочла ещё раз.

— Это до похорон.

— И до смерти по документам.

Брум перестал жевать.

— Что значит — до?

Рик развернул лист к нему.

— Продажу начали готовить раньше. Свидетельство о смерти изменило порядок управления имуществом, но не создало сам долг. Здесь указано обязательство перед ссудным товариществом «Северный капитал». Знаете такое?

Беккер наморщил лоб.

— Слышал. Может, вывеску видел. Я у них ничего не брал.

— Дом закладывали?

— Нет.

— Кому-нибудь поручали получать деньги от вашего имени?

— Нет.

— Подписывали бумаги, которые могли относиться к залогу? Доверенность, поручительство за другого человека?

Брум выпрямился.

— Я умею читать, молодой человек.

Рик спокойно выдержал его взгляд.

— Поэтому и спрашиваю, что именно вы подписывали.

Торgrim потянулся за уведомлением.

Брум выдохнул.

— Ничего такого. Рабочие договоры подписывал. Расписки за инструмент. В дороге кой-что... обычные бумаги. Но дом я не закладывал. Хельма бы меня в этот дом обратно не пустила.

Он замолчал.

Я тоже решила не помогать.

Рик сделал пометку.

— Уведомления отправлялись по вашему адресу. Здесь три даты. Жена говорила о долге?

— Я вчера не успел спросить. Там вообще трудно было спрашивать. Она только повторяла, что видела мои вещи и что все подтвердили.

— Какие вещи?

— Пальто. Кольцо. Ремень с пряжкой.

Я посмотрела на бледную полоску на его пальце.

Брум машинально закрыл её другой ладонью.

— Кольцо ваше? — спросила я.

— Не знаю. Я не видел.

— А ваше где?

Он потёр палец.

— Потерял в дороге.

Быстрый ответ.

Слишком быстрый для человека, который до этого подробно описывал неудобство формы для кекса.

Я снова запомнила.

Рик не стал задерживаться на кольце.

— Потребуется получить протокол опознания. Пока у нас две разные задачи. Первая — подтвердить вашу личность. Вторая — проверить основание взыскания. Даже если запись о смерти отменят сегодня, это само по себе не остановит торги по долгу.

Брум смотрел на него так, как люди смотрят на мастера, сообщившего, что для замены одной трубы придётся разобрать половину кухни.

— Но долг не мой.

— Тогда это нужно доказать отдельно.

— А если они продадут раньше?

Торgrim положил уведомление на стол.

— Попробуем добиться приостановления. Но обещать, что чиновник вдруг начнёт бегать, никто не будет.

— Я бы мог помочь ему начать, — пробормотал Брум.

Мирта долила ему чаю.

— Сначала поешьте. Натощак у вас будет слабая правовая позиция.

Беккер послушно взял пирог.

Потом остановился.

— Я должен сразу сказать про деньги. У меня немного. На счёте были, но сейчас...

Он полез во внутренний карман, вынул маленький кошелек и начал выкладывать монеты.

На стол легли три серебряные, медь и жетон дорожной бани.

Торgrim подождал, пока Брум закончит.

— На первое обращение и сопровождение хватит двух серебряных. Дальнейшую работу согласуем отдельно. Расходы — по квитанциям.

Я посмотрела на начальника.

Обычно двух серебряных хватало на то, чтобы Рик внимательно прочёл договор и обнаружил, почему за его чтение следует взять больше.

Торгрим не повернулся.

Мирта уже заполняла бланк.

— Оплата от Брума Беккера, — прочла она вслух. — Подпись вот здесь.

Посетитель взял перо, но завис над строкой.

— А мне можно? Подписывать?

Мирта подняла глаза.

— У нас — можно. Чернила не казённые.

* * *

До банка мы шли втроём.

Торгрим остался выяснять через знакомых, кто вправе приостановить продажу, а Мирта обещала найти Бруму место для ночлега получше скамьи.

Посетитель сначала возражал: тратиться не нужно, он привык.

Мирта спросила, привык ли он падать в обморок в неудобное время.

Брум признал, что достаточного опыта пока нет, и сдался.

На улице он держался рядом со мной, время от времени поглядывая на Рика. К росту напарника люди обычно привыкали постепенно. Особенно когда тот шёл задумавшись и одной своей поступью сокращал им жизнь.

— Помедленнее, — сказала я.

Рик сразу сбавил шаг.

Брум благодарно кивнул.

— У меня бригадир такой был. Длинный. Уйдёт вперёд, потом спрашивает, что мы всё отстаём. Я ему говорю: поставь ноги ближе к земле, поймёшь.

Он впервые улыбнулся.

На Старом мосту мы уступили дорогу тележке с горшками. Возчик ругался с городским смотрителем: по правилам телега не должна была занимать проход для пешеходов, а по мнению возчика, пешеходы сами могли посмотреть, куда идут.

Аврелион обладал удивительным умением превращать любую ширину улицы в недостаточную.

Банк «Опора и счёт» стоял на углу площади Весов.

Снаружи его поддерживали шесть каменных колонн. Внутри — убеждение, что деньги любят тишину, мрамор и людей, способных не морщиться при виде платы за обслуживание.

Над входом было высечено:

ВАШЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ — НАША ЗАБОТА.

Брум прочёл надпись.

— Утром не заметил, — сказал он. — Надо было спросить.

В зале оказалось прохладно. На стенах висели часы, показывавшие одно и то же время, что производило на меня более сильное впечатление, чем колонны.

У стойки выдачи талонов сидел молодой человек с безупречным пробором.

— Цель посещения?

— Подтверждение личности владельца счёта, — сказал Рик. — Сопровождение уполномоченными представителями. Доверенность есть.

Молодой человек протянул руку к ящику.

Увидел Брума.

Рука остановилась.

— Вы уже были сегодня.

— Был, — подтвердил тот. — У меня привычка возвращаться туда, где лежат мои деньги.

— Вам объяснили порядок.

— Поэтому я привёл людей, которые его понимают.

Брум сказал это с такой уверенностью, что я немедленно почувствовала ответственность за всё юридическое образование столицы.

Молодой человек посмотрел на наши удостоверения.

— По умершим владельцам нужно в четвёртое окно.

Я наклонилась к стойке.

— А по живым, которых записали умершими?

Он задумался.

За его спиной висела таблица из восьми видов обслуживания. Наш случай туда не попал. Вероятно, составители таблицы не хотели расстраиваться заранее.

— Всё равно в четвёртое.

Рик взял талон.

Спорить с человеком, который распоряжался только бумажными номерками, не имело смысла. Я знала это даже без процессуального права. Знала, но каждый раз немного расстраивалась, что знание мешает удовольствию.

В четвёртое окно стояли трое.

Пожилый эльф с папкой, женщина в трауре и мужчина, прижимавший к груди горшок с засохшим растением.

На мужчину я посмотрела дважды.

Он заметил.

— Залог, — коротко объяснил он.

Я решила, что сегодняшней день ещё может меня удивить.

* * *

В четвёртом окне сидела гномка с короткой косой, очками на цепочке и лицом человека, которого невозможно поразить даже засохшим залогом.

На табличке значилось: «Старший распорядитель счетов Ида Норр».

Она выслушала Рика, изучила документы и спросила Брума дату открытия счёта.

Он назвал год.

Месяц не вспомнил.

Ида достала карточку.

— Девичья фамилия матери?

— Рудная.

— Первоначальная сумма вклада?

Брум задумался.

— Двадцать семь серебряных и восемь медных. Нет, семь. Одну я потратил на пиво по дороге, но в домовую книгу записал восемь.

Госпожа Норр подняла на него глаза.

— Банк не отвечает за вашу домовую книгу.

— Я теперь начинаю подозревать, что он и за свою не очень.

Я кашлянула.

Рик положил на стойку доверенность.

— Нужна официальная сверка кровного оттиска и заверенное заключение.

Ида кивнула.

— Возможна. Образец сохранён в запечатанном счётном досье. Потребуется архивный хранитель и второй свидетель. Стандартная плата — двенадцать медных.

Брум полез в кошелек.

Она остановила его:

— При подтверждении личности и наличии ошибки в статусе владельца проверка производится за счёт банка. До результата платёж вносить не нужно.

Я почувствовала почти нежность.

Очень опасное чувство по отношению к человеку за банковским окном.

— Сколько ждать? — спросил Рик.

Госпожа Норр посмотрела на часы.

— Хранитель обедает. Ещё двадцать минут.

Брум схватился за край стойки.

— А пока он ест, мой дом...

— Ваш дом не будет продан в ближайшие двадцать минут. Садитесь. Я вызову вас, как только он вернётся.

Говорила она сухо, но без раздражения.

Брум отпустил стойку.

Мы сели на скамью.

Через некоторое время мимо прошёл мужчина с горшком. Горшка при нём уже не было. Лицо выражало смешанные чувства, но спрашивать я не стала.

Брум наклонился ко мне:

— Она меня узнала.

— Возможно.

— Я у неё деньги снимал два года назад. Мы ещё спорили, почему за выдачу собственной суммы нужно платить, если она мелкими монетами. Она сказала, пересчёт стоит труда. Я предложил не пересчитывать. Не согласилась.

Он помолчал.

— Хорошая женщина. Только работает здесь.

Рик просматривал уведомление о торгах.

Я наблюдала за залом.

Здесь никто не повышал голоса. Даже недовольные люди говорили тише, чем на улице. Возможно, дело было в мраморе: он так старательно возвращал каждый звук, что человек быстро начинал стыдиться собственной интонации.

Под потолком медленно вращался бронзовый указатель времени ожидания.

На нём значилось: «Недолго».

По-моему, это было не измерение, а пожелание.

* * *

Кровь брали в маленькой комнате за залом.

Архивный хранитель оказался худым эльфом с пятном соуса на манжете. Он заметил, что я заметила, и незаметно подвернул рукав.

Я отвела взгляд. У каждого имелись обстоятельства, не предназначенные для протокола.

На столе лежали две серебряные пластинки, запечатанный конверт и стеклянная игла в футляре.

Госпожа Норр проверила номер счёта, сверила печати и показала Бруму старый документ.

— Это ваша подпись?

Брум наклонился.

Его лицо вдруг изменилось.

— Моя.

Внизу, рядом с выцветшими чернилами, темнел небольшой круг кровного оттиска, заключённый в тонкий рунический ободок.

— Я тогда только из подмастерьев вышел, — сказал он. — Думал, заведу счёт, и сразу стану солидным человеком.

Ида положила документ на пластину.

— Руку, пожалуйста.

Брум протянул палец.

Пока хранитель настраивал плетение, гном спросил:

— А сколько это действует?

— Оттиск сохраняется, пока цела защитная вязь.

— Нет, заключение. Сколько я после него буду считаться собой?

Госпожа Норр на секунду замерла.

— Заключение не имеет срока давности, если подлинность не оспорена.

Брум кивнул.

Ответ ему, кажется, не понравился, но более подходящего в комнате не имелось.

На серебро упала капля крови.

Руны засветились.

Я ожидала чего-нибудь выразительного. Светового столба, звона, хотя бы маленького дыма. Всё-таки человека возвращали из официального небытия.

Вместо этого между пластинами протянулась тонкая белая линия.

Хранитель посмотрел на неё, затем на прибор с делениями.

— Совпадение полное.

Ида сделала запись.

— Брум Беккер. Владелец счёта подтверждён.

Он сидел неподвижно.

Потом медленно выдохнул.

И только тут я поняла, что какую-то часть последних суток он боялся не чиновников.

Самой возможности, что сейчас и магия скажет: нет.

Я положила ладонь ему на плечо.

— Вот. С этим разобрались.

Брум прикрыл глаза.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

Хранитель поставил первую печать.

Госпожа Норр — вторую.

Рик внимательно проверил текст, попросил вписать способ идентификации и получить ещё одну заверенную копию.

Я не возражала.

Сегодня хотелось, чтобы живого Брума было на бумаге побольше.

* * *

Обратно к окну он шёл уже иначе.

Не быстрее — плечи расправились.

— Теперь я могу снять деньги? — спросил он, едва госпожа Норр села.

Она сняла очки, протёрла их и снова надела.

Мне не понравилось это движение.

Слишком много неприятных объяснений в мире начиналось с ухода за очками.

— Не сразу.

Брум остановился.

— Но вы же только что...

— Личность подтверждена. Однако счёт находится под наследственным управлением на основании действующей записи о смерти. Банк не имеет полномочий отменять запись городского регистра.

Я почувствовала, как у меня нагреваются уши.

— То есть вы признаёте, что он Брум Беккер, но не признаёте, что он жив?

— Жив, — сказала Ида. — Сидит передо мной. Это я тоже вижу.

Она говорила всё так же ровно.

От этого спорить было сложнее.

— Но право распоряжения счётом уже передано другому лицу. Чтобы вернуть его владельцу, требуется зарегистрированное прекращение наследственного управления либо обеспечительное распоряжение суда.

Брум медленно сел.

— А вашу бумагу куда?

— В регистр гражданского состояния. С заявлением об исправлении ошибочной записи.

После рассмотрения...

— Сколько?

Госпожа Норр посмотрела на него.

— В обычном порядке — до десяти рабочих дней.

Тишина продержалась ровно столько, сколько понадобилось Бруму, чтобы сосчитать до четверга.

— У меня дом продают послезавтра.

— Поэтому вам нужно ходатайство о приостановлении взыскания. Это другая процедура.

— Сколько у меня процедур? — спросил он с тихим ужасом.

Ида помолчала.

— На данный момент — три.

Я убрала руки с деревянной стойки.

На всякий случай.

Рик положил перед собой чистый лист.

— Перечень документов для срочного обращения. Письменный отказ в доступе к счёту с указанием основания. И данные управляющего.

Госпожа Норр кивнула и взялась за бланк.

Вот за это я и любила работать с Риком.

Пока я мысленно подыскивала формулировку, которая выразила бы всё и не привела к задержанию, он уже превращал стену в список дверей.

Не факт, что они откроются. Но хотя бы появились ручки.

— Управляющая — Марта Восс, — сказала Ида. — Наследственное бюро на Писчей улице. Извещение о назначении вашей супруге вручено.

Брум нахмурился.

— Хельма говорила о какой-то госпоже, которая всё улаживает.

— Вероятно, о ней. Госпожа Восс опытный распорядитель. Возможно, согласует отказ от полномочий быстрее, чем придёт распоряжение из регистра.

— Часто у неё клиенты возвращаются? — спросила я.

Ида посмотрела поверх очков.

— С документами она работает быстро.

Я признала поражение и взяла адрес.

* * *

Рик не убрал доверенность.

— Нам нужна ещё выписка по операциям после регистрации смерти и сведения об основании взыскания.

Госпожа Норр придвинула карточку счёта.

— Доступ к сведениям подтверждённому владельцу может быть предоставлен. Распоряжение средствами — нет.

Брум потёр лицо обеими ладонями.

— То есть смотреть, как тратят мои деньги, можно?

— Получить сведения о движении средств.

— Я примерно это и сказал.

Ида нажала кнопку под столом. Где-то за перегородкой звякнул колокольчик.

Я невольно вспомнила шкатулку.

Сегодня даже у неодушевлённых вещей были хорошие условия труда: им достаточно звякнуть или крикнуть, а разбираться приходилось нам.

Пока готовили выписку, Рик расспрашивал об основаниях передачи счёта.

Всё сходилось.

Свидетельство о смерти было зарегистрировано. Назначение управляющей подтверждено. Требование кредитора принято к исполнению. Судебный распорядитель направил банку надлежащее уведомление.

На каждой бумаге стояла настоящая печать.

Каждый документ ссылался на предыдущий.

Я смотрела, как Рик выписывает номера, и чувствовала странное раздражение. Не потому, что он работал медленно. Наоборот — быстро, точно, без единого лишнего вопроса.

Просто нигде не торчал очевидный конец верёвки.

— Если все документы правильные, — сказала я, — а Брум жив, где-то ведь должна быть ошибка.

— В исходных сведениях, — ответил Рик, не поднимая головы. — Или в основании долга.

— А если в обоих?

Он посмотрел на меня.

— Проверим оба.

Брум слушал нас очень внимательно.

— Скажите прямо. Вы думаете, кто-то это сделал нарочно?

Я не хотела отвечать раньше времени.

Не после горничной, которую хозяйка успела обвинить прежде, чем сообщила нам, что брошь у неё в кармане.

— Пока мы знаем, что вас ошибочно признали умершим и что предъявлен долг, который вы отрицаете. Нужно выяснить, связаны ли эти вещи.

— Связаны, — сказал Брум. — Они обе происходят со мной.

С этим спорить было трудно.

За перегородкой открылась дверь. Молодой служащий принёс выписку и книгу проведённых платежей.

Госпожа Норр сверила строки.

Потом задержала палец на одной из них.

Мне не понравилось, как она перестала двигаться.

Рик заметил тоже.

— Что-то уже перечислено?

— Да.

Брум поднял голову.

— Когда?

— Сегодня утром. По распоряжению управляющей. Частичное удовлетворение требования кредитора из свободного остатка на счёте.

— Сколько?

Она назвала сумму.

Я не знала, сколько Брум зарабатывал и как долго откладывал эти деньги, но по его лицу поняла достаточно.

Он уставился на бумагу.

— Там должно было остаться... — Он назвал другую сумму, чуть больше. — Я на крышу собирал. Там северный скат нужно перекладывать, ещё осенью заметил.

Ида перелистнула карточку.

— Часть средств удержана на расходы управления и обязательные сборы.

Брум посмотрел на меня.

Почему-то именно это оказалось хуже его возмущения.

Он ничего не спросил. Просто посмотрел, как будто я могла объяснить, почему у человека есть кровный оттиск, дом, жена, тридцать лет работы — и ни одного права остановить чужую руку, пока та забирает его сбережения.

Я придвинула к себе выписку.

— Платёж можно задержать?

— Уже исполнен.

— Вернуть?

— При наличии соответствующего распоряжения.

Я почувствовала запах нагретого лака.

Опустила глаза.

Под моей ладонью на стойке медленно проступало светлое пятно.

Рик поставил рядом чашку с водой, которую оставил кто-то из служащих.

— Галя.

Я убрала руку.

Госпожа Норр посмотрела на пятно.

Потом на меня.

— Стойка не принимала решения о перечислении.

Я взяла чашку.

— Знаю.

— Хорошо. Тогда не будем включать её в число пострадавших.

Брум вдруг коротко хмыкнул.

Смех получился плохой, сорванный, но всё-таки смех.

Ида подвинула ему выписку и взяла новый бланк.

— Я приложу к заключению указание на срочность: продолжающееся взыскание при установленной ошибке в сведениях о владельце. Это не остановит торги, но даст вашему представителю основание требовать немедленного рассмотрения.

Рик кивнул.

— Спасибо.

Она не ответила.

Уже писала.

* * *

Из банка мы вышли с папкой, в которой Брум был жив, и выпиской, из которой следовало, что его деньги уже успели пережить хозяина в другом месте.

Дождь закончился.

С колонн капало на ступени. Над площадью мелькнул солнечный просвет, и мраморный фасад вдруг стал почти приветливым.

Я не поддалась.

Брум остановился у нижней ступени.

— Я утром здесь был.

Мы подождали.

— Пока они говорили мне идти в четвёртое окно, потом в другое место, потом обратно... это уже происходило?

Рик посмотрел на время платежа.

Не ответил сразу. Постоял, подумал и промолчал.

Брум снял шляпу, провёл ладонью по редющим волосам и снова надел.

— Значит, я был в зале, — сказал он. — А они отдавали мои деньги.

Я протянула ему заключение о личности.

— Держите это у себя. Копии у нас. Сейчас пойдём к госпоже Восс.

— Думаете, она объяснит?

— Очень на это рассчитываю.

Рик сложил выписку отдельно от остальных бумаг.

— Платёж ушёл не напрямую «Северному капиталу».

Я повернулась к нему.

— А кому?

— Поверенному по взысканию. Указан расчётный счёт и номер поручения. Нужно установить, на каком основании он принимает деньги.

Брум устало развёл руками.

— Ещё один?

— Ещё один, — подтвердил Рик.

Я посмотрела на адрес Марты Восс.

Писчая улица, дом семь.

Совсем недалеко. Удобно для человека, который часто работает с банком.

— Пойдёмте, господин Беккер, — сказала я. — Пока вы здесь стоите, вас, кажется, продолжают хоронить. Только теперь по частям.

Брум посмотрел на бумагу в своей руке.

Потом аккуратно сложил её и убрал за пазуху.

— Я бы хотел, — произнёс он, — хотя бы присутствовать при разделе.

Рик застегнул папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.